

A romantic illustration of a man and a woman in a city at night. The man, with dark hair and pale skin, wears a black leather jacket and is shown in profile, kissing the woman on the cheek. The woman has long brown hair and is wearing a green jacket with a brown messenger bag. She is leaning her head against a red brick wall. In the background, a street lamp with a warm glow and a blurred car are visible on a wet city street.

ВЕЧНОСТЬ
НАЧАЛАСЬ С
ТЕБЯ

ЕКАТЕРИНА МОРДВИНЦЕВА

Екатерина Мордвинцева

Вечность началась с тебя

<https://litres.ru/74211433>

Аннотация

Что чувствует человек, которого превратили в монстра без спроса? Вероника знает ответ: ярость, отчаяние, ненависть. Её тюремщик — Герман, вампир с полуторавековым опытом одиночества. Он не искал любви, не ждал прощения, но теперь его жизнь зависит от той, кто проклинает его каждую ночь. Им предстоит пройти путь от вражды до близости, от ненависти до страсти, от одиночества до вечности вдвоём. Но успеют ли они, когда древний Совет уже объявил на них охоту?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	25
Глава 4	36
Глава 5	46
Глава 6	55
Глава 7	64
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Глава 1

Сознание возвращается всегда одинаково — не рывком, а медленным заполнением пустоты.

Сначала слух. За стеной мерно гудит лифт, этажом выше кто-то включил воду, и я слышу, как она бежит по трубам. Где-то далеко, на Кутузовском, сигналист такси. Звуки мира вползают в комнату, обволакивают, и я понимаю: солнце село. Можно открывать глаза.

Потолок в моей спальне высокий, лепной, дореволюционный. Дом на Кутузовском — довоенная сталинка, пережившая и бомбежки, и реконструкции. Я купил эту квартиру двадцать лет назад, когда район еще считался престижным, но не безумно дорогим. Сейчас здесь пахнет деньгами и пылью чужих амбиций. Мне все равно. Мне нравится высота потолков и толщина стен — ни один звук не проникает извне, только те, что я сам хочу слышать.

Я сажусь на кровати. Тело слушается идеально — за сто сорок семь лет я научился управлять им лучше любого пианиста. Никакой скованности после «сна», никакой ломоты в суставах. Мышцы упруги, кожа прохладна. Я подхожу к зеркалу и, как всегда, не вижу ничего. Пустая рама, за которой виднеется край шкафа. Привык за столетие, но каждый раз это легкое недоумение: по привычке ждешь увидеть отражение, а его нет. Иногда мне кажется, что я сам себе призрак.

Квартира встречает меня запахами. Кожа старого дивана, полированное дерево книжных шкафов, легкая затхлость закрытого помещения — и поверх всего этого чистый, стерильный запах холодильника.

Я иду на кухню. Здесь все продумано для функциональности: минимум мебели, гранитные столешницы, никаких лишних вещей. Только кофемашинка (я не пью кофе, но мне нравится процесс варки, нравится запах) и большой промышленный холодильник, каких не ставят в обычных квартирах.

Открываю дверцу.

Внутри — ряды. Аккуратные пластиковые пакеты с этикетками: «0(I) Rh+», «A(II) Rh-», плазма, эритроцитарная масса. Всё как в аптеке. Внизу, в специальных контейнерах — стеклянные банды с более редкими образцами. Четвертая отрицательная, третья положительная. Я работаю в НИИ Гематологии старшим научным сотрудником. Формально занимаюсь вопросами консервации крови и ее долгосрочного хранения. Реально — имею круглосуточный доступ к лучшим запасам города.

Доноры сдают кровь, она проходит проверку, часть списывается по срокам, часть уходит в исследовательские цели. Я просто беру свое. Никто не замечает, никто не считает. Идеальная система.

Беру пакет с первой положительной — универсальная, пресноватая на вкус, но утоляет голод лучше редких групп.

Наливаю в высокий стеклянный бокал, который лет сто назад использовался для бордо. Кровь холодная, густая, пахнет железом и жизнью.

Пью медленно, давая себе время ощутить, как тепло разливается по пищеводу, как тело отзывается на питание. Это не похоже на еду людей. Скорее, как укол бодрости, как глоток чистого кислорода после долгого пребывания в духоте. Через минуту голод отступает, мысли становятся четче, мир обретает резкость.

Я смотрю в окно. Москва горит огнями. Кутузовский проспект — гигантская артерия, по которой текут автомобили. Красные стоп-сигналы, белые фары, неон вывесок. Красиво. Наверное, люди считают это красивым.

А я чувствую пустоту.

Она приходит всегда после еды. Пока голоден — есть цель, есть примитивный инстинкт. Как только организм насыщен, наступает время мыслей. И пустоты.

Сто сорок семь лет, Герман. Сто сорок семь лет ты пьешь чужую кровь, смотришь на чужие огни и считаешь себя живым.

Я отставляю бокал, иду в гардеробную. Здесь все разложено по сезонам и цветам, хотя мне все равно, что носить. Выбираю темно-синее пальто, шерстяной шарф. На улице ноябрь, сыро, ветрено. Люди кутаются, зябнут. Мне холод не страшен, но пальто помогает сливаться с толпой. Не выделяться.

Выхожу из квартиры. Лифт пахнет чужими духами и собачьей шерстью. Двор — образцово-показательный: детская площадка с резиновым покрытием, припаркованные «Майбахи» и «Лексусы», консьержка в будке. Она кивает мне, я киваю в ответ. Ночной жилец, любитель погулять перед сном. Никто не знает, что мой сон — это день, а прогулка — вся моя жизнь.

Выхожу на набережную.

Москва-река черная, тяжелая, в ней отражаются огни «Москвы-Сити». Башни-близнецы, стекло и сталь, символ новой эпохи. Я помню, как на этом месте были заводы и пустыри. Помню, как пахло углем и мазутом. Теперь пахнет дорогим парфюмом и выхлопными газами.

Иду в сторону центра. Ноги сами несут по привычному маршруту: мимо гостиницы, через Бородинский мост, к Новодевичьему.

Новодевичье кладбище закрыто на ночь, но мне не нужно заходить внутрь. Я останавливаюсь у стены, смотрю на высокие тополя, черные на фоне темно-синего неба.

Здесь похоронены многие, кого я знал. Не лично, но... в какой-то момент начинаешь собирать кладбища как коллекцию. Чехов, Булгаков, Шалапин — их могилы я навещал, когда они еще были свежими. Теперь это туристические тропы.

Я закрываю глаза и позволяю памяти накрыть себя.

1908 год. Москва купеческая, лабазная, с золотыми куполами и грязными окраинами. Я тогда еще был человеком,

верил в Бога и в прогресс. Работал в лаборатории при университете, изучал свойства крови. Мечтал сделать открытие, которое спасет тысячи жизней. Глупый, наивный мальчик в пенсне и с непокорным вихром.

А потом пришла чахотка. Тогда её называли «белой чумой». Она забрала мою невесту за три месяца. Анна. Светлые волосы, серые глаза, родинка над губой. Я помню её лицо так, словно видел вчера. Помню, как она кашляла в платок, и на белом кружеве расцветали алые цветы. Кровь. Тогда я впервые понял, что кровь — это не просто жидкость. Это жизнь. И её так легко потерять.

После похорон я места себе не находил. Рванул за границу, в Европу, искать лекарство, панацею, все что угодно. В Париже вышел на одного доктора, который обещал чудо. Он оказался вампиром. Он не обещал чуда — он предлагал вечность.

Я согласился. Думал, что вечность — это возможность всё исправить, все узнать, все понять.

Глупец. Вечность — это просто очень много времени. И оно ничего не исправляет.

Открываю глаза. Тополя стоят на месте, река течет, город шумит. Москва изменилась до неузнаваемости, но Новодевичий монастырь все так же красив. Белые стены, темные купола. Красота, которая переживет и меня, если я не буду осторожен.

Иду дальше. Плюшусь в толпу на Остоженке. Здесь кипит

ночная жизнь: рестораны, бары, дорогие машины у обочин, смеющиеся девушки в коротких пальто, мужчины в костюмах без галстуков. Люди пьют, едят, флиртуют, живут.

Я прохожу сквозь них, как тень. Никто не обращает на меня внимания — высокий мужчина в темном пальто, с бледным лицом и слишком прямым носом. Мало ли таких в Москве?

В витрине одного из баров я замечаю отражение прохожего и снова ловлю себя на том, что ищу там себя. Пустота. Зеркало показывает только витрину с бутылками и кусок противоположного тротуара.

1914 год. Война. Я тогда уже не был человеком лет пять, но еще не научился быть равнодушным. Поехал на фронт санитаром. Думал, что моя скорость и сила пригодятся, чтобы вытаскивать раненых. Я вытаскивал. А по ночам пил кровь умирающих. Не мог отказаться. Они все равно не жили, успокаивал я себя. Но это была ложь. Я просто был голоден. И слаб.

До сих пор помню вкус страха в крови. Он делает её терпкой, почти пряной. Но пить кровь испуганного человека — все равно что есть мясо животного, которое знало, что его убьют. Это неправильно.

Я сворачиваю в переулок. Здесь тише, фонари горят тускло, под ногами мокрая брусчатка. Москва стареет в таких переулках, показывает свое настоящее лицо — не гламурное, не пафосное, а усталое, немного печальное.

Воспоминания продолжают течь, как вода сквозь пальцы.

1930-е. Я уже отлично научился выживать. Устроился в институт переливания крови, благо знаний хватало. Тогда как раз начинались эксперименты с трупной кровью, с консервацией. Я был на передовой науки. И никто не знал, что по ночам я исследую кровь не только в пробирках.

Война 41-го. Я остался в Москве. Не из патриотизма, просто бежать было некуда и незачем. Немцы подходили к городу, я сидел в подвале института и пил донорскую кровь, запасенную для раненых. Стыдно? Стыдно. Но голод сильнее стыда. Вампир, который не хочет убивать, все равно будет убивать, если ему не оставить выбора. Поэтому я создал себе выбор — доступ к донорской крови. Мой личный Нюрнбергский кодекс.

Выхожу к храму Христа Спасителя. Огромный, золотоголавый, подсвеченный прожекторами. Его взорвали при Сталине, я помню тот взрыв. Помню, как на месте храма хотели строить Дворец Советов с гигантским Лениным, а потом сделали бассейн «Москва». Я плавал в этом бассейне зимой, под открытым небом. Вода была теплая, пар поднимался над поверхностью, и Москва казалась призраком.

Теперь храм стоит заново. Все повторяется.

Я сажусь на скамейку на Патриаршем мосту. Смотрю на воду, на огни, на редких прохожих. Влюбленные пары, подвыпившие компании, одинокий мужчина с собакой. Все куда-то идут, чем-то заняты.

А я просто сижу. И чувствую пустоту.

Сто сорок семь лет. Я видел, как умирали империи и рождались новые. Как менялась мода, музыка, этикет. Я пережил всех, кого знал, и всех, кого мог бы полюбить. Научился не привязываться, потому что привязанность к смертному — это гарантированная боль.

Но иногда, как сегодня, пустота становится особенно острой. Особенно громкой.

Я смотрю на молодую пару, которая целуется у перил. Девушка смеется, парень что-то шепчет ей на ухо. Они счастливы, они живы, и у них впереди, возможно, лет пятьдесят. Им кажется, что это целая вечность.

Я знаю, что такое вечность на самом деле. Это когда ты сидишь на мосту один, и у тебя нет никого, кто ждал бы тебя дома. Есть только холодильник с пакетами крови и воспоминания, которые с каждым годом становятся все более чужими. Словно это было не с тобой, а с кем-то другим, чью жизнь ты когда-то подсмотрел.

Поднимаюсь. Пора возвращаться. Ночь длинная, но бесконечной ее не сделаешь. Даже для вампира.

Иду обратно по набережной. Ветер с реки сырой, пронизывающий. Я поднимаю воротник пальто. Прохожу мимо арки, ведущей во дворы. Оттуда пахнет мочой, сыростью и... чем-то еще.

Я останавливаюсь.

Запах. Свежий, терпкий, животный. Металлический при-

вкус железа и что-то сладковатое, тревожное.

Кровь.

Не донорская, не мертвая. Живая, паническая, льющаяся прямо сейчас.

Я замираю на мгновение. Мое дело — не вмешиваться. Я научился проходить мимо за сто лет. Смерть человека — это трагедия для человека, но для меня это часть пейзажа. Я не спасаю. Я не убиваю. Я просто существую параллельно.

Но ноги уже сворачивают в арку. Тело реагирует быстрее разума.

Запах становится сильнее. И звук — хриплое, булькающее дыхание.

В глубине подворотни, под тусклым фонарем, на мокром асфальте лежит девушка.

Глава 2

Ненавижу ноябрь.

Ненавижу эту липкую серость за окном, эти вечные су-мерки, которые включают ровно в четыре часа дня, и этот моросящий дождь, который не поймешь — то ли идет, то ли просто висит в воздухе сырой взвесью.

Я стою у окна в переговорной на двенадцатом этаже и смотрю, как Москва медленно тонет в вечерней мгле. Огни зажигаются неохотно, будто через силу. Где-то там, за рекой, наш объект — жилой комплекс «Резиденция на Набережной», который мы уже полгода не можем сдать из-за идиотских претензий заказчика.

— Вероника Андреевна, вы меня слышите?

Голос начальника действует на меня как зубная боль — ноющая, тупая, неизбежная.

Поворачиваюсь. Сергей Борисович сидит во главе стола, сложив пухлые ручки на животе. Лицо у него цветом напоминает тесто для оладий, которое уже начало подходить, но еще не готово. Глазки маленькие, маслянистые, бегают по моей груди быстрее, чем по чертежам.

— Слышу, — отвечаю ровно. — Вы сказали, что заказчику не нравится остекление. В двенадцатый раз.

— Не нравится, Вероника. Не нравится! — он разводит руками, будто пытается обнять весь мир и заодно мою про-

фессиональную гордость. — Говорят, слишком много стекла. Холодно, не по-московски. Хотят больше камня.

— Это набережная, — напоминаю я, стараясь, чтобы голос не дрожал от бешенства. — Люди покупают квартиры с видом на воду. Чтобы видеть воду. Для этого нужно стекло. Много стекла. Если мы заложим проемы камнем, они будут смотреть на реку сквозь бойницу. Как в дзоте.

Сергей Борисович вздыхает, как учитель, уставший от бестолкового ученика.

— Вероника, милая, вы талантливый архитектор, я ценю. Но вы должны понимать: заказчик всегда прав.

— Заказчик идиот, — говорю я. Тихо, но отчетливо.

В переговорной повисает тишина. Моя коллега Лена, сидящая у стены, округляет глаза и делает мне страшные знаки. Я их игнорирую.

— Что вы сказали? — Борисович багровеет. Тесто для оладий начинает подгорать.

— Я сказала, что мы уже переделывали проект четыре раза, — иду на попятную, но без особого энтузиазма. — Каждый раз заказчик меняет мнение. Сначала хотел хай-тек, потом классику, потом опять хай-тек. Теперь камня захотел. Через месяц скажет, что нужен бревенчатый сруб. Мы не можем каждый раз начинать с нуля. У нас сроки.

— Сроки — это моя забота, — отрезает Борисович. — Ваша забота — сделать так, чтобы заказчик был доволен.

— А моя забота — чтобы здание не развалилось и чтобы в

нем было комфортно жить, — я все-таки срываюсь. — Если мы сделаем фасад из камня, как он хочет, инсоляция упадет на двадцать процентов. Квартиры будут темными. Люди будут жить с включенным светом круглые сутки. Это не комфорт, это подвал.

— Вероника! — Борисович стучит ладонью по столу. Документы подпрыгивают. — Я сказал — делайте!

Я смотрю на него. Смотрю долго, пристально, представляя, как было бы здорово, если бы в архитектуре можно было предусмотреть балкон с люком прямо над кабинетом начальника. Чтоб открывается — и готово.

— Хорошо, — говорю я ледяным тоном. — Я подготовлю новые эскизы. С камнем. Но к письменному обоснованию приложу расчеты инсоляции. И пусть он распишется, что ознакомлен.

— Умная очень? — щурится Борисович.

— Достаточно, чтобы не подставляться под статью, когда жильцы подадут в суд, — пожимаю плечами.

Я выхожу из переговорной, не дожидаясь ответа. Лена выскакивает за мной, цокая каблуками по мраморному полу.

— Вероника, ты с ума сошла? — шипит она, хватая меня за локоть. — Он же тебя уволит!

— Не уволит, — отмахиваюсь я, входя в свой кабинет-закуток. — Кто ему будет проекты тащить? Криворукие студенты из МАрхИ, которые за копейки нарисуют такое, что потом снесут через пять лет? Не бойсь, прорвемся.

Кабинет у меня маленький, но свой. Стол, компьютер, кульман в углу, на стене — распечатки моих любимых проектов. Сталинские высотки, пара небоскребов, Шуховская башня. Вдохновение. На подоконнике — три чахлых кактуса, которые каким-то чудом выживают при моем графике. Я их поливаю раз в месяц, если вспомню. Они не жалуются.

Сажусь в кресло, закрываю глаза. Голова гудит. День был тяжелый. С утра разнос у заказчика, потом правка чертежей, потом этот идиотский созвон, потом переговорная. А еще надо заскочить на объект, проверить, как идет монтаж перекрытий, потому что прорабу без меня никто не доверяет.

Звонит телефон. Мама.

— Вероника, ты когда приедешь? — голос у мамы встревоженный, как всегда. — Я суп сварила, ты совсем не ешь, наверное, одними бутербродами питаешься, на тебе лица нет...

— Мам, я на работе, — тру переносицу. — На объект еще надо.

— На объект! — вздыхает мама так, будто я собираюсь на каторгу. — Когда ты уже устроишь нормальную жизнь? Замуж выйдешь, детей родишь. Вон подружки твои уже по двое...

— Мам, у подружек мужа олигархи, а я работаю, — перебиваю я. — Как будет время — позвоню. И суп твой съем. Честно.

— Врешь ведь, — вздыхает мама. — Ладно, доченька. Я

тебя люблю. Береги себя.

— И я тебя.

Сбрасываю. Смотрю на часы. Полседьмого. На объекте народ работает до девяти. Значит, успеваю.

Собираю сумку — ноутбук, планшет с чертежами, каска, термос с остывшим кофе. Накидываю пальто — длинное, шерстяное, купленное прошлой зимой на распродаже с дикой скидкой. Оно меня греет и морально поддерживает: в нем я чувствую себя если не крутым архитектором, то хотя бы приличным человеком.

Выхожу из офиса. Лифт пахнет чужим кофе и бумажной пылью. На улице моросит, ветер гоняет по асфальту мокрые листья, которые уже никто не убирает. Москва в ноябре — город, который готовится к зиме и поэтому немного обижен на всех, кто требует от него красоты.

Я ловлю такси. Водитель — хмурый мужик с бородой — молча кивает, я называю адрес. Едем по набережной, я смотрю в окно. Огни, фары, мокрый асфальт, в котором все отражается. Москва красивая, когда ее не трогаешь. Просто смотришь.

— Архитектор? — вдруг спрашивает водитель, кивая на мой планшет.

— Ага, — удивляюсь я.

— Уважаю, — кивает он. — Красивые здания строить — это дело. А то лепят коробки, смотреть тошно. А вы что строите?

— Жилой комплекс на набережной, — отвечаю. — Там, где раньше завод был.

— Знаю, — оживляется водитель. — Стекланный такой? Я мимо ездил, смотрится красиво. Светло, просторно.

Я улыбаюсь. Хоть кто-то оценил.

— Заказчик хочет камня добавить, — говорю. — Говорит, холодно.

— Дурак ваш заказчик, — авторитетно заявляет водитель. — Стекло — это жизнь. Камень — это гробница. У меня брат в таком доме живет, в каменном, так у них зимой солнце в окна вообще не заходит. Тоска зеленая.

Мы переглядываемся в зеркале заднего вида и понимающе улыбаемся. Приятно, когда тебя понимают. Даже таксисты.

Объект встречает меня запахом цемента, мокрой фанеры и работы. Прораб дядя Вася — мужик лет шестидесяти, с лицом, продубленным ветрами всех московских строек — стоит у бытовки, курит, глядя на темное небо.

— Вероника Андреевна, — кивает он. — А я думал, вы сегодня не приедете.

— А я думала, вы перекрытия уже закончили, — парирую я, протягивая руку для пожатия. Дядя Вася жмет, аккуратно, потому что ладонь у него как ковш экскаватора, а я все-таки девушка.

— Закончили, — кивает он. — Идемте, покажу.

Мы идем по стройплощадке. Под ногами хлюпает, светят

прожекторы, тени прыгают. Я люблю стройки. Люблю этот запах, эту атмосферу созидания. Вот здесь будет стена, здесь окно, здесь балкон. Из чертежей и цифр рождается дом, в котором будут жить люди. Это почти магия.

Дядя Вася показывает перекрытия. Я проверяю, сверяюсь с чертежами. Вроде все ровно, все по уровню.

— Молодцы, — говорю. — Завтра можно стены начинать.

— А заказчик? — шурится прораб. — Опять переделывать не заставит?

— Заставит, — вздыхаю я. — Но мы ему пока не говорим. Делаем по проекту, а там видно будет.

Дядя Вася усмехается в усы:

— Хитрые вы, бабы. Даже архитекторы.

— Это не хитрость, это выживание, — поправляю я.

Через час я выхожу с объекта уставшая, мокрая, но довольная. Работа сделана, люди молодцы, стройка движется. Остальное приложится.

Сажусь на лавочку у остановки, достаю телефон. Заказ такси до дома — двадцать минут, цена космическая, час пик еще не рассосался. Смотрю на витрину магазинчика через дорогу. Вкусное освещение, бутылки красиво стоят.

И тут меня осеняет.

Вино.

Сегодня была сцена с Борисовичем. Сегодня я была молодцом, отстояла проект (почти). Сегодня стройка идет по плану. И завтра будет новый день, полный той же хренотени.

Но сегодня — вечер. И я хочу провести его с удовольствием.
Я встаю и иду в магазин.

Магазинчик маленький, но приличный. Вина занимают целую стену. Я хожу вдоль полок, провожу пальцами по бутылкам. Франция, Италия, Испания, Новая Зеландия. Я не эксперт, я просто знаю, что нравится.

Выбираю красное, сухое, итальянское. Смешная этикетка, приятная цена. Беру еще сыр — маленький кругляш с плесенью, от которой мама бы упала в обморок. И шоколадку. Темную, с орехами.

На кассе улыбаюсь продавщице — девушке с розовыми волосами и серьгой в носу. Она смотрит на мой набор и говорит:

— Девушка, вы сегодня либо отмечаете что-то крутое, либо заливаете горе. Я за первый вариант.

— Абсолютно, — смеюсь я. — Отмечаю, что я молодец.

— Это правильно, — кивает продавщица. — Себя надо баловать. А то никто не побалует.

Забираю пакет, выхожу. Настроение улучшается. Дождь почти перестал, ветер стих. Москва, будто извиняясь за ноябрь, включила красивую подсветку. На той стороне улицы горит неоновым вывеска кафе, и в ее свете мокрый асфальт кажется синим.

Решаю пройти пешком до метро. Тут недалеко, через дворы. Не люблю эти арбатские переулки ночью, но сегодня что-то смелое во мне проснулось. Может, вино придает храб-

рости, еще не открытое.

Иду не спеша, слушаю свои шаги. Москва затихает к полуночи, но не спит. Где-то играет музыка, где-то ссорятся, где-то смеются. Жизнь кипит за закрытыми окнами, а я иду по пустой улице с бутылкой вина и чувствую себя частью этого огромного города.

Думаю о всяком. О проекте, о Борисовиче, о маме, о том, что скоро Новый год, а встречать его опять не с кем. Подруги все при делах, с семьями. Вариант «пойти к маме» навевает тоску. Может, в командировку уехать? В Питер, например. Там тоже серо, но как-то благородно.

Заворачиваю в арку. Тут темно, фонарь не горит — разбили, наверное. Под ногами лужи, воняет кошками и сыростью. Я ускоряю шаг, потому что места здесь не очень приятные. Арка длинная, выходит во двор, а там уже до метро рукой подать.

Сзади слышатся шаги.

Я не оборачиваюсь. Москва, ночь, арка — шаги сзади могут быть просто случайным прохожим. Я сама случайный прохожий. Все нормально.

Шаги приближаются.

Я иду быстрее. Сердце начинает колотиться где-то в горле. Глупо, наверное, но инстинкты древнее разума.

— Девушка, подожди! — голос пьяный, наглый.

Я не останавливаюсь. Почти бегу.

И тут меня хватают за плечо. Рывок разворачивает, я те-

рю равновесие, пакет падает в лужу. Бутылка, кажется, не разбилась. Слава богу.

Передо мной двое. Молодые, спортивные, пьяные. Глаза нехорошие, руки загребушие.

— Чего бежишь-то? — дышит перегаром первый. — Поговорить хотели.

— Не о чем, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Отойдите, я кричать буду.

— Кричи, — скалится второй. — Тут никто не услышит. Глухая арка.

И тут я понимаю, что это правда. Дом старый, окна выходят во двор, арка длинная, никто не придет. Никто не поможет.

Страх ледяной волной накрывает с головой.

— Слышь, давай сумочку, телефон и вали, — первый теряет интерес к разговорам. — Или можешь остаться, мы не против.

Второй смеется. У него гнилые зубы, в темноте видно.

Я медленно снимаю сумку с плеча. Движения ватные, руки трясутся. Телефон в кармане пальто, но я не успею. Они быстрее.

— Умница, — тянется первый за сумкой.

И тут происходит то, чего никто из нас не ждал.

Откуда-то из темноты арки появляется третья тень.

Она движется бесшумно, стремительно. Удар — первый отлетает к стене и оседает. Второй не успевает даже замах-

нуться — его просто поднимают за шкуру и с силой бьют головой о кирпичную кладку. Хруст. Тишина.

Я стою, прижавшись спиной к холодной стене, и смотрю на того, кто это сделал.

Мужчина. Высокий, в темном пальто. Лица почти не видно — свет с улицы падает со спины, оставляя его в тени. Но я успеваю заметить: бледная кожа, четкие черты, очень прямой нос. И глаза. В темноте они кажутся светлыми, почти прозрачными.

Он смотрит на меня.

— Вы в порядке? — голос низкий, спокойный. Никакой одышки, никакого волнения, будто он только что не отбросил двух амбалов к стенке, а просто поздоровался.

— Я... — пытаюсь ответить, и вдруг понимаю, что мне очень больно. Там, где меня схватили за плечо, пульсирует. И еще что-то. Живот. Я опускаю глаза.

Из моего пальто, чуть ниже ребер, торчит рукоятка. Ножа.

Я не почувствовала. На адреналине не почувствовала, что один из них успел ударить. Или, может, я упала и напоролась? Неважно. Важно, что торчит.

— Ой, — говорю я тихо, потому что глупее ничего в голову не приходит.

И начинаю оседать. Ноги ватные, мир плывет. Стена уходит куда-то вбок, асфальт приближается.

Мужчина подхватывает меня, не дает упасть в лужу. Я чувствую запах — сандал, старая бумага, дождь. И еще что-

то темное, глубокое, как подвал. Но мне все равно. Мне холодно. Очень холодно.

— Не надо, — шепчу я, сама не знаю, о чем. — Я не хочу...

В глазах темнеет. Последнее, что я вижу — его лицо, наклонившееся ко мне. Странное выражение. Не жалость, не страх. Что-то другое. Решимость? Или безумие?

А потом мир гаснет.

Глава 3

Я возвращался домой вдоль набережной.

Ночь уже набрала полную силу — Москва горела огнями, гудела моторами, дышала влажным воздухом. Где-то играла музыка, из припаркованного у тротуара «Майбаха» пахло дорогим коньяком и сигарами. Жизнь текла мимо, как всегда, равнодушная к моему существованию.

Я любил эту равнодушную Москву. Она не требовала эмоций, не ждала участия. Можно было просто идти, смотреть, слушать — и оставаться невидимым.

Настроение после прогулки у Новодевичьего было ровным, почти медитативным. Воспоминания отпустили, пустота внутри утратила остроту. Я чувствовал себя... нейтрально. Для вампира это лучшее состояние.

Я свернул в переулки, чтобы сократить путь. Здесь было тише, фонари горели реже, тени лежали гуще. Старая Москва с ее кривыми линиями и облупившейся штукатуркой. Я знал эти места наизусть — ходил здесь еще тогда, когда вместо асфальта была брусчатка, а по переулкам тарахтели извозчики.

И вдруг я остановился.

Запах.

Он ворвался в мое восприятие, как удар под дых. Резкий, живой, пульсирующий. Кровь. Не та, что хранится в пакетах

в моем холодильнике — спокойная, мертвая, пастеризованная. А живая. Человеческая. Текущая прямо сейчас.

Я замер, прикрыв глаза, позволяя запаху заполнить все чувства. Он был сложным: базовые ноты металла и соли, и поверх них — панические обертоны. Страх. Боль. Агония. Кровь человека, который умирает.

Вампир во мне встрепнулся. Глубинная, звериная часть — та, которую я годами усмирять донорской кровью и железной дисциплиной — подняла голову и зарычала. Живая кровь. Теплая. Свободная.

Я открыл глаза и пошел на запах.

Ноги несли сами. Я не думал, не анализировал — просто двигался, как подводная лодка на акустический сигнал. Через арку, во дворы, в темноту. Запах становился сильнее, гуще, отчаяннее.

И звуки. Хриплое, булькающее дыхание. Всклип. Шаги — двое, тяжелые, испуганные, убегают прочь.

Я вынырнул из темноты арки и увидел картину, которая врезалась в память каждым пикселем.

На мокром асфальте лежала девушка.

Свет от дальнего фонаря падал так, что казалось, будто она освещена прожектором на темной сцене. Молодая, длинное пальто распахнуто, волосы разметались по луже. Рядом валялся пакет — из него выкатилась бутылка вина, темное стекло тускло блестело. Сумка отброшена в сторону.

И кровь.

Она растекалась под ней медленно, как тяжелое масло. Черная в этом свете, но я знал, что на самом деле она алая. Живая. Горячая. Пятно росло, впитываясь в пальто, в асфальт, в мои ноздри.

Я шагнул ближе.

Двое убегающих скрылись в противоположном конце арки. Я даже не взглянул на них. Не до них. Не до правосудия, не до мести. Весь мир сузился до одной точки — женщина на асфальте, кровь, дыхание, которое с каждой секундой становилось тише.

Я опустился рядом на колени. Асфальт был холодным, мокрым, но я не чувствовал. Я смотрел на нее.

Лицо бледное, очень бледное, даже для умирающей. Губы посинели. Глаза закрыты. Ресницы дрожат. Она еще жива, но это ненадолго.

Рукоятка ножа торчала из-под ребер. Прямое попадание. Чистое. Профессиональное, даже если били любители. Селезенка, печень — неважно. Важно, что кровь уходит быстро. Очень быстро.

Я положил руку ей на лоб. Кожа была холодной, липкой от испарины. Человеческое тело начинает отключаться, когда теряет критический объем. Она уже на грани.

И тут она открыла глаза.

Я смотрел на нее сверху вниз, и вдруг наши взгляды встретились. В ее глазах — серых, почти прозрачных в этом свете — не было страха. Удивление. Недоумение. И что-то

еще. Жизнь. Самая обыкновенная, отчаянная, цепляющаяся жизнь.

Губы шевельнулись, но звука не вышло. Только выдох, окрашенный кровью.

Я понял. Она сказала: «Я не хочу».

Не хочу умирать.

Сто сорок семь лет, Герман. Сто сорок семь лет ты учился проходить мимо. Ты видел смерти — десятки, сотни, тысячи. Войны, эпидемии, преступления, несчастные случаи. Ты научился не реагировать. Ты создал себе кодекс, систему, броню. Ты пьешь донорскую кровь, ты не охотишься, ты не убиваешь. Ты — цивилизованный вампир, безопасный для общества.

И все это не имело никакого значения.

Потому что когда она открыла глаза и посмотрела на меня — не на монстра, не на спасителя, не на случайного прохожего — а просто на человека, который оказался рядом в последнюю минуту, — что-то во мне сломалось. Или включилось. Я до сих пор не знаю.

Время исчезло.

Я не думал о последствиях. Не думал о Кодексе, о Совете, о правилах, о том, что создание нового вампира без разрешения карается уничтожением. Не думал о том, что будет завтра. Не думал о ней, обо мне, о нас.

Я просто знал: я не дам ей умереть.

Не дам этим серым глазам погаснуть навсегда.

Решение пришло не как мысль — как физический импульс. Как голод, только наоборот. Не взять, а отдать.

Я наклонился ближе.

Запах ее крови бил в ноздри, дурманил, будил зверя. Но зверь молчал. Впервые за полтора века зверь во мне отступил перед чем-то другим. Перед человеком?

Я провел рукой по ее волосам — мокрым, холодным, спутанным. Шепнул что-то, сам не знаю что. Может, «прости». Может, «потерпи». Может, ничего.

А потом я сделал то, чего не делал никогда за все свои сто сорок семь лет вампирской жизни.

Я укусил ее не чтобы пить.

Я укусил ее, чтобы спасти.

Мои клыки — орудие смерти, инструмент охоты, проклятие моей природы — вошли в ее кожу на шее, туда, где билась последняя, слабая, уходящая пульсация жизни. Я не пил. Я отдавал.

Процесс обращения сложно объяснить тому, кто его не переживал. Это не просто укус, не просто передача крови. Это алхимия, магия, проклятие — называйте как хотите. В момент укуса вампир должен не только впрыснуть свой яд, но и отдать часть своей сути, своей силы, своей вечности. Добровольно. Осознанно. Безвозвратно.

Я отдавал.

Я чувствовал, как моя кровь перетекает в нее, смешивается с ее уходящей жизнью, запускает процесс трансформации.

ции. Это было больно — физически, до спазма в груди. Отдавать свою сущность все равно что отрывать куски себя. Но я не останавливался.

Вокруг меня мир замер. Перестал существовать. Осталась только она — и та тонкая нить, которую я пытался удерживать.

Девушка дернулась. Выгнулась. Из горла вырвался хрип — не человеческий, не звериный, а какой-то промежуточный. Тело реагировало на вторжение, сопротивлялось, умирало и рождалось заново одновременно. Это всегда больно. Я помнил свою ночь обращения. Помнил, как горел заживо, как каждая клетка кричала, как хотелось умереть, лишь бы это прекратилось.

Я не желал ей этой боли. Но выбора не было.

Я держал ее, прижимал к себе, шептал что-то бессвязное. Может, утешал. Может, просил прощения. Не знаю. Я вообще перестал себя контролировать.

Сколько это длилось? Секунды? Минуты? Вечность? Время потеряло смысл. Был только ритм сердца — ее сердце билось все слабее, а потом, когда мой яд пошел в дело, вдруг дернулось, сбилось — и забилося снова. По-другому. Нечеловечески. Ровно, сильно, холодно.

Я оторвался от ее шеи.

Кровь на губах — ее кровь, которую я все-таки впустил в себя, потому что иначе нельзя. Вкус — самый удивительный, какой я пробовал за полтора века. Жизнь. Молодость. Упрямство. Любовь к вину и ненависть к начальнику. Все

это было в одной капле.

Я облизал губы и посмотрел на нее.

Она лежала у меня на руках, все так же бледная, все так же неподвижная. Но дышала. Медленно, глубоко, как спящий. Рана под ребрами — я проверил рукой — больше не кровоточила. Процесс пошел. Организм перестраивался, заживлял, убивал старое и создавал новое.

Я вытащил нож. Бросовое оружие, дешевая сталь. Отбросил в сторону. Рана на глазах стягивалась, зарастала — через час от нее не останется и следа. Физического. А вот душевные... это уже не ко мне.

Я сидел на мокром асфальте, прижимая к себе незнакомую девушку, и пытался понять, что я наделал.

Мысль пришла запоздало, когда адреналин отпустил.

Я создал вампира.

Без разрешения Совета. Без подготовки. Без ее согласия. Просто взял и превратил живого человека в мертвое существо, потому что не смог смотреть, как она умирает.

— Идиот, — сказал я вслух. Голос прозвучал хрипло, чужо.

Девушка не ответила. Она была глубоко в обмороке — телесном, переходном. Сейчас ее организм боролся, перерождался, умирал и воскресал. Она не чувствовала ничего. И слава богу.

Я огляделся.

Арка была пуста. Убежавшие не вернулись — то ли испу-

гались, то ли решили, что добились. Пакет с вином валялся в луже, бутылка чудом уцелела. Сумка — хорошая, кожаная — отброшена к стене. Телефон рядом. Ее жизнь, ее вещи, ее прошлое — все здесь, на мокром асфальте.

Я аккуратно поднял ее на руки. Она была легкой — обычная девушка, обычный вес. Но сейчас, в забытьи, казалась почти невесомой. Или это мне казалось от пережитого шока?

Я вышел из арки на свет. Никто не обратил внимания — мужчина несет девушку, мало ли, может, перебрала, может, плохо стало. Москва равнодушна к чужим проблемам.

Нужно было решать, что делать дальше.

Вариантов было немного. Отнести в больницу — нельзя, там зафиксируют укус, начнут задавать вопросы, а она через час очнется и захочет пить. Человеческую кровь. Прямо из вены. И что тогда? Массовое убийство в приемном покое?

Оставить здесь — нельзя. Она очнется в переулке одна, голодная, перепуганная, без понимания, что произошло. Нападет на первого прохожего — и прощай, маскировка. Здравствуй, охота на вампиров.

Оставался один вариант: домой.

Моя квартира. Запасы крови. Возможность контролировать ситуацию. И полное непонимание того, что я буду делать дальше.

Я поймал такси. Водитель глянул на мою ношу, на бледное лицо девушки, но промолчал. В Москве научились не задавать лишних вопросов. Я назвал адрес, мы поехали.

Всю дорогу я держал ее на руках, чувствуя, как тело постепенно меняется. Температура падала — человеческое тепло уходило, сменялось холодом вампирской плоти. Сердце билось реже, ровнее. Дыхание почти исчезло — теперь она могла не дышать часами, если захочет.

Я смотрел на ее лицо и пытался запомнить. Потому что та девушка, которая лежала в арке с бутылкой вина, — она умерла. Я убил ее, чтобы спасти. То, что откроет глаза в моей квартире, будет уже кем-то другим. Монстром. Таким же, как я.

И она возненавидит меня за это.

Я знал. Потому что сам ненавидел своего создателя первые лет пятьдесят. Потом отпустило. Потом я понял, что выбора у него тоже не было. Но легче не стало.

Такси остановилось у моего дома. Я расплатился, вышел, понес ее в подъезд. Консьержка глянула с интересом, но смолчала. У меня репутация тихого жильца. Мало ли, может, племянница приехала.

Лифт. Коридор. Дверь.

Я занес ее в спальню, положил на кровать. Она даже не пошевелилась. Белая рубашка была в крови — моей, ее, чужой. Нужно будет переодеть, но потом. Сначала — самое важное.

Я прошел на кухню, открыл холодильник. Достал два пакета — первая положительная, свежая. Налил в бокал, поставил на тумбочку у кровати. Когда она очнется, голод будет первым, что она почувствует. Пусть лучше пьет из бока-

ла, чем из моей шеи.

Потом я сел в кресло в углу и приготовился ждать.

Сколько это займет — неизвестно. Обращение у всех проходит по-разному. Кто-то приходит в себя через час, кто-то через сутки. Зависит от организма, от воли к жизни, от того, насколько сильно тело сопротивлялось смерти.

Я сидел и смотрел на нее.

Серые глаза. Темные волосы, разметавшиеся по подушке. Тонкие пальцы, сжимающие край одеяла во сне. Красивая. Не кинопрекрасная, а живой, настоящей красотой. Такие лица запоминаются.

Я вздохнул и откинулся на спинку кресла.

— Прости, — сказал я тихо. — У меня не было выбора.

Она не ответила. Конечно.

Но в тишине квартиры мне показалось, что где-то глубоко внутри я услышал ее голос: «Я не хочу». Или это просто совесть? У вампиров ее вроде не бывает. Но откуда тогда это чувство, что я совершил самую страшную ошибку в своей жизни?

Или наоборот — единственное правильное решение?

Я закрыл глаза и позволил себе просто быть рядом. Ждать. Надеяться. Бояться.

За окном Москва гудела огнями, текла машинами, жила своей ночной жизнью. А здесь, в моей спальне, умирала и рождалась заново девушка с серыми глазами, которую я спас, не спросив.

И это было только начало.

Глава 4

Мир сузился до размера ее зрачков.

Я стоял на коленях в луже ледяной воды, держал в руках умирающую женщину и смотрел в ее глаза. Серые. Почти прозрачные в этом тусклом свете, с крапинками темного по краю радужки. Человеческие глаза. Живые. Уходящие.

Она смотрела на меня, и в этом взгляде не было страха. Удивление — да. Непонимание — да. Но не страх. Будто она встретила в темной арке не случайного прохожего, а что-то давно знакомое, забытое, важное.

— Я не хочу... — прошептали ее губы. Беззвучно, одними выдохами.

Я понял. Не хочу умирать.

Ее голова запрокинулась, веки дрогнули и начали опускаться. Медленно, как занавес в конце спектакля. Сейчас они закроются, и свет погаснет. Навсегда. Для нее.

Что-то внутри меня дернулось с такой силой, что я физически ощутил спазм в груди. Там, где когда-то давно билось сердце.

За сто сорок семь лет я научился контролировать всё. Голод. Страх. Жалость. Ярость. Я стал идеальным механизмом, машиной для выживания. Эмоции — роскошь, которую вампир не может себе позволить. Эмоции ведут к ошибкам. Ошибки ведут к смерти.

Но сейчас механизм дал сбой.

Я смотрел, как гаснут ее глаза, и понимал: если они закроются, если этот свет погаснет — со мной что-то случится. То, что нельзя будет починить. То, что превратит мое и без того пустое существование в абсолютную черноту.

Бред. Я не знал ее. Видел впервые в жизни. Через час я мог бы забыть ее лицо, как забывал сотни других. Москва — огромный город, в нем каждый день кто-то умирает. Я проходил мимо трупов на войне, мимо замерзших бомжей, мимо жертв перестрелок. Проходил и не оглядывался.

Почему сейчас? Почему она?

Ее веки почти сомкнулись. Осталась тонкая полоска серого. Последний свет.

— Нет, — сказал я вслух.

И сам не узнал свой голос. В нем было что-то, чего я не слышал полтора века. Человеческое. Отчаянное. Живое.

Я наклонился ниже, почти касаясь губами ее лба. Запах крови бил в ноздри, заполнял легкие, кружил голову. Не донорская, не мертвая — живая, пульсирующая, пахнувшая страхом и жизнью одновременно. Вампир во мне взвыл от голода. Но другой голос, тот, который я считал давно умершим, кричал громче.

Правила. Кодекс. Этикет.

Я прокручивал в голове все, чему меня учили. Первое правило вампира: не раскрывать себя. Второе: не создавать новых без разрешения Совета. Третье: не вмешиваться в де-

ла смертных. Четвертое, пятое, десятое — за полтора века я вызубрил их наизусть. Нарушение любого карается уничтожением. Медленным. Болезненным. Окончательным.

Если я сделаю это — меня будут искать. Найдут. Убьют. Сто сорок семь лет существования превратятся в пыль. Ради кого? Ради незнакомой девушки, которую через час забрали бы санитары в морг?

Ее глаза закрылись.

Совсем.

И в этот момент я понял, что правила больше не существуют. Кодекс рассыпался пеплом. Совет, наказание, смерть — все стало пустыми словами. Осталось только одно: тепло, которое уходило из ее тела прямо сейчас, утекало сквозь пальцы, как вода.

Я не думал.

Решение пришло не из головы — из самой глубины, из той части меня, которую я похоронил вместе с Анной сто двадцать лет назад. Из той части, которая все еще помнила, что значит быть человеком. Что значит любить. Что значит спасать.

Инстинкт.

Не вампирский — человеческий.

Я откинул ворот ее пальто, открывая шею. Кожа была холодной, липкой от пота и крови. Пульс — я прижал пальцы — еле прощупывался. Рваный, слабый, умирающий. Счет шел на минуты. Может, на секунды.

— Прости, — шепнул я. — У нас нет времени спрашивать.

И вонзил клыки.

Это не было похоже на охоту. Когда вампир пьет, он берет. Забирает. Наслаждается. Это акт эгоизма, переведенный в физиологию.

Сейчас я отдавал.

Мои клыки — инструмент смерти — стали каналом жизни. Я впустил в нее свою кровь, свою суть, свое проклятие. И почувствовал, как она входит, смешивается с ее уходящей жизнью, запускает процесс трансформации.

Ощущение было чудовищным. Представьте, что вас выворачивают наизнанку. Что каждую клетку вашего тела разрывают и собирают заново. Что из вас вынимают душу — и отдают другому.

Я застонал сквозь сжатые зубы, но не остановился.

Ее тело дернулось в моих руках. Выгнулось дугой, запрокидывая голову. Из горла вырвался хрип — низкий, нечеловеческий, животный. Процесс пошел. Организм сопротивлялся, умирал и перерождался одновременно. Кровь, которую я вливал в нее, воевала с ее собственной кровью, побеждала, подчиняла, перекраивала.

Я чувствовал это. Чувствовал каждую секунду ее агонии. Потому что я помнил.

1908 год. Париж. Подвал старого особняка на левом берегу.

Я пришел к доктору Мартелю, чтобы купить лекарство от чумы, которая косила Европу. Я верил, что он ученый, что нашел панацею. Глупец.

Он оказался вампиром. Старым, хитрым, жестоким. Ему нужен был не ученик, а раб. Но в первую ночь он просто обратил меня. Без спроса. Без выбора.

Я помню эту боль. Огонь в венах, лед в костях, разрывание каждой клетки. Я кричал так, что срывал голос, а потом кричать стало нечем. Я умирал три дня. Три дня ада. А когда очнулся — понял, что умер навсегда.

Я ненавидел Мартеля лет пятьдесят. Потом отпустило. Потом я даже сказал ему спасибо — за то, что подарил вечность. Но боль не забыл. Никогда.

Сейчас я причинял эту боль другой.

Я держал ее, прижимал к себе, гладил по голове, шептал что-то бессвязное. Она билась в конвульсиях, выгибалась, хрипела. Из раны на животе все еще сочилась кровь, но медленнее — организм переключал ресурсы на главное.

— Терпи, — шептал я. — Пожалуйста, терпи. Скоро пройдет. Я рядом. Я здесь.

Она не слышала. Она была глубоко внутри себя, там, где смерть боролась с бессмертием, где человеческое сгорало в огне вампирского.

А я все отдавал и отдавал.

Своя кровь уходила из меня быстрее, чем я ожидал. Обращение требует жертвы — не только физической, но и сущ-

ностной. Чтобы создать вампира, старый вампир должен отдать часть своей силы. Частицу себя. Навсегда.

Я чувствовал, как слабею. Как мир теряет резкость. Как силы утекают вместе с кровью.

Сколько это длилось? Минуты? Часы?

Время исчезло. Осталась только она — и та тонкая нить, которую я удерживал зубами.

А потом все закончилось.

Ее тело обмякло. Дыхание выровнялось — медленное, глубокое, почти незаметное. Пульс... я прижал пальцы к шее. Ровный. Сильный. Холодный. Вампирский.

Я оторвался от нее и откинулся назад, тяжело дыша. Хотя зачем вампиру дышать? Привычка. Человеческая привычка, которая осталась со мной навсегда.

Кровь на моих губах. Ее кровь. Вкус — сложный, многогранный, как дорогое вино. Жизнь, страх, отчаяние, надежда — и поверх всего этого что-то неуловимое. Ее суть. То, что делало ее собой.

Я облизал губы и посмотрел на девушку.

Она лежала на моих руках, бледная, неподвижная. Глаза закрыты, ресницы не дрожат. Глубокая кома перехода. Сейчас ее тело перестраивается, уничтожает старое, создает новое. Она не проснется, пока процесс не закончится. И когда проснется — мир для нее уже никогда не будет прежним.

Я осторожно провел пальцем по ее щеке. Кожа уже холодела — уходило человеческое тепло, сменяясь вечным холо-

дом вампирской плоти.

— Ты жива, — сказал я тихо. — Ты будешь жить. Прости, что не спросил.

В арке было тихо. Убежавшие не вернулись. Город гудел где-то далеко, за пределами этого маленького замкнутого пространства, где только что случилось чудо. Или преступление. Я до сих пор не знал, как это назвать.

Я посмотрел на свои руки. Они дрожали. Впервые за сто лет — дрожали. От слабости, от перенапряжения, от того, что я только что сделал.

Обращение высосало из меня больше, чем я думал. Я чувствовал себя выжатым, пустым, слабым. Если бы сейчас появились те двое, я бы, возможно, не смог даже защититься. Хорошо, что они сбежали.

Я перевел взгляд на девушку.

Она была красива. Не той стерильной красотой, которую рисуют на обложках, а живой, настоящей. Даже сейчас, бледная, в крови, с разметавшимися волосами, она казалась... правильной. Будто так и должно быть.

Я тряхнул головой, отгоняя странные мысли.

Нужно было решать, что делать дальше. Оставлять ее здесь нельзя — очнется в переулке одна, голодная, перепуганная. Нападет на первого прохожего. Или сгорит на расвете, если не поймет, что солнце теперь — смерть.

Нужно забирать. К себе. В безопасность.

Я осторожно поднял ее на руки. Она была легкой, почти

невесомой. Или это я ослабел так, что любой вес кажется тяжелым?

Шаги давались с трудом. Ноги подкашивались, перед глазами плыло. Сто лет я не чувствовал такой слабости. Со стороны это, наверное, выглядело странно: мужчина, еле переставляя ноги, тащит на руках бесчувственную девушку. Хорошо, что в переулках темно.

Я вышел на свет. Поймал такси. Водитель глянул с подозрением, но промолчал. В Москве научились не задавать лишних вопросов.

Всю дорогу до дома я держал ее на руках и смотрел в лицо. Спокойное. Безмятежное. Будто спала.

— Кто ты? — шепнул я. — И что ты со мной сделала?

Она не ответила.

Но в тишине машины мне показалось, что я слышу ответ. Где-то глубоко внутри. Там, где только что родилась новая жизнь.

Я нарушил все законы. Перешел все черты. Сжег все мосты.

И впервые за сто сорок семь лет я не чувствовал пустоты. Вместо нее было что-то другое. Страх? Надежда? Безумие?

Я не знал. И боялся узнавать.

Но одно я понял точно: обратного пути нет. Я сделал выбор. И теперь мы связаны навсегда — я и эта незнакомая девушка с серыми глазами, которая хотела жить так сильно,

что сломала мою вековую броню.

Такси остановилось у моего дома. Я расплатился, вышел, понес ее в подъезд. Консьержка глянула с интересом, но смолчала.

Лифт. Коридор. Дверь.

Я занес ее в спальню, положил на кровать. Она даже не шевельнулась. Темные волосы разметались по подушке, белая рубашка в крови, лицо бледное, как мрамор.

Я постоял над ней, глядя на это лицо. Потом прошел на кухню, достал из холодильника пакет с кровью, налил в бокал и поставил на тумбочку у кровати.

Когда она очнется — а она очнется, я знал это точно, — голод будет первым, что она почувствует. Пусть лучше пьет из бокала, чем из меня. Или из кого-то другого.

Потом я сел в кресло в углу и приготовился ждать.

За окном гудела Москва. Миллионы людей жили своей жизнью, не подозревая, что в этой старой квартире на Кутузовском только что родилось новое существо. Новый вампир. Новое проклятие. Новая жизнь.

Я смотрел на спящую девушку и думал о том, что будет завтра. Когда она откроет глаза. Когда увидит меня. Когда поймет, что случилось.

Она возненавидит меня. Я знал. Все новообращенные ненавидят своих создателей. Это этап. Это нормально. Это пройдет.

Но что, если не пройдет? Что, если она никогда не сможет

простить? Что, если я обрек ее на вечные муки ради своего эгоистичного порыва?

Я закрыл глаза и откинулся на спинку кресла.

— Прости, — шепнул я в тишину. — Просто я не мог иначе.

И впервые за много лет я позволил себе уснуть по-настоящему. Без контроля, без страха, без защиты. Рядом с ней. Потому что чувствовал: теперь мы связаны. И если кто-то придет за ней — он придет и за мной.

Так пусть приходит. Я готов.

Глава 5

Боль приходит первой.

Она не возникает постепенно — она взрывается внутри, как петарда, которую проглотила и забыла. Только что было темно и пусто, и вдруг — огонь. Везде. Во всех клетках сразу.

Я чувствую, как горю.

Это не метафора. Моя кожа плавится, мышцы стягиваются судорогой, кости превращаются в раскаленные прутья. Я хочу закричать, но не могу — легкие не слушаются, горло перехвачено спазмом.

Кто-то сказал, что смерть — это покой. Врут. Смерть — это ад.

Я пытаюсь открыть глаза и понимаю, что не знаю, есть ли у меня еще глаза. Тело распадается на атомы, рассеивается в пространстве, теряет форму. Я — просто сгусток боли, подвешенный в бесконечной темноте.

А потом приходит холод.

Он вползает неожиданно, с краев сознания. Сначала я не замечаю его за огнем, но постепенно холод набирает силу, подбирается ближе, касается ледяными пальцами.

Укус.

Я чувствую его совершенно отчетливо — две точки на шее, острые, пронзающие кожу, мышцы, вены. Это не боль-

но в привычном смысле. Это глубже, страшнее, интимнее. Кто-то входит в меня. Не физически — сущностно. Вторгается в самое святое, в мою кровь, в мою жизнь.

Я хочу закричать: «Нет! Не надо!» Но губ нет, языка нет, голоса нет. Есть только ледяное вторжение и понимание. происходит что-то непоправимое. То, что изменит всё. Навсегда.

Сознание угасает.

Это как выключить свет в комнате — щелчок, и темнота. Только что я чувствовала боль, холод, ужас — и вдруг ничего. Пустота. Тишина. Небытие.

Я думаю: «Вот и всё. Я умерла».

И в этот момент что-то случается.

Тепло.

Оно появляется из ниоткуда — или из того места на шее, куда впились эти острые точки. Разливается по венам, как горячий чай по замерзшим пальцам. Медленно, тягуче, неотвратно.

Мои клетки оживают. Нет, не так — мои клетки умирают и прямо в момент смерти заменяются чем-то другим. Чем-то сильным, быстрым, вечным. Я чувствую, как кровь — чужая кровь — течет по мне, заполняет каждый уголок, вымывает старую жизнь, ставит новую на ее место.

Это сладко и страшно одновременно.

Тепло разгорается. Огонь возвращается, но теперь он другой — не палящий, а согревающий. Как будто внутри меня

зажгли солнце. Оно пульсирует в такт с сердцем — тук-тук, тук-тук, тук-тук — и каждый удар приближает что-то важное.

Я больше не чувствую боли. Только странное, незнакомое, пугающее расширение. Будто я расту, выхожу за пределы своего тела, становлюсь больше самой себя.

А потом приходит видение.

Я не знаю, откуда оно берется. Может, это чужая кровь показывает мне своего хозяина? Может, мой умирающий мозг генерирует галлюцинации? Может, это просто сон?

Я вижу мужчину.

Он стоит на фоне огня — высокий, темный, с бледным лицом и глазами, в которых нет дна. Он смотрит на меня, и в этом взгляде — всё. Боль, надежда, отчаяние, любовь. Любовь? Откуда? Мы не знакомы. Но я чувствую ее физически — она проникает в меня вместе с кровью, вместе с этим странным теплом.

Мужчина протягивает руку.

— Иди ко мне, — говорит он. Голос низкий, глубокий, обволакивающий.

Я хочу шагнуть, но не могу. Что-то держит, тянет назад, не пускает. Прошлое? Страх? Непонимание?

Картинка смазывается, тает, исчезает.

Снова боль.

Теперь она другая — ломота в костях, как при сильном гриппе, умноженная на тысячу. Каждая косточка, каждая

фаланга, каждый позвонок ноют, крутятся, выворачиваются. Меня перестраивают. Из человека в... во что?

Я слышу звуки.

Где-то далеко гудит город. Машины, сигналы, шаги, голоса — они врываются в мое сознание, как ножи. Я слышу слишком много, слишком громко, слишком отчетливо. Это мучительно. Каждый звук бьет по нервам, заставляя внутренности сжиматься.

— Тише, — хочу сказать я. — Пожалуйста, тише.

Но звуки не стихают. Они множатся, наслаиваются друг на друга, превращаются в какофонию.

И вдруг — тишина.

Кто-то нажал кнопку «выкл». Мир замер. Звуки исчезли, боль ушла, жар остыл. Осталось только ощущение полета. Я лечу в бесконечной темноте, и мне хорошо. Спокойно. Просто.

Это смерть, думаю я. Точно смерть.

Но мысль не пугает. Смерть оказывается мягкой, как перина. Я утопаю в ней, закрываю глаза, расслабляюсь.

И снова — укол.

Тепло врывается в темноту, разрывает ее на куски. Оно пульсирует в висках, в кончиках пальцев, в кончиках волос. Оно требует: живи! Борись! Не сдавайся!

— Кто ты? — шепчу я в темноту.

Ответа нет. Только тепло, растекающееся по венам, заполняющее каждую клетку, выжигающее смерть.

Я вспоминаю.

Вино. Я купила вино. Итальянское, красное, с забавной этикеткой. Шоколадку с орехами. Хотела посидеть дома, расслабиться, забыть про Борисовича, про стройку, про вечную московскую серость. Шла через арку. Было темно, сыро, пахло кошками. Шаги сзади. Испуг. Удар.

Нож.

Я вспоминаю холод металла внутри себя. Как это странно — чувствовать сталь в собственном теле. Чужеродную, острую, убивающую.

Я умирала. Точно. Я помню, как уходила. Как темнело в глазах. Как последняя мысль была: «Жалко, вино не попробовала».

А теперь я здесь. В темноте. С чужим теплом в венах и чужими воспоминаниями в голове.

Мужчина с бледным лицом появляется снова. Теперь он ближе. Я вижу морщинки у глаз, тонкий шрам на подбородке, прядь волос, упавшую на лоб. Красивый. По-настоящему, не картинно. Красивый той красотой, которая приходит с годами и опытом.

— Ты кто? — спрашиваю я. Теперь у меня есть голос.

— Я тот, кто тебя спас, — отвечает он.

— Спас? — не понимаю я. — От чего?

— От смерти.

Я хочу спросить еще, но картинка опять тает. Темнота сгущается, обнимает, укутывает. Я проваливаюсь в сон без сно-

видений.

Процесс продолжается без меня.

Мое тело знает, что делать. Где-то глубоко, на клеточном уровне, запущена программа перерождения. Кровь — старая и новая — смешивается, воюет, договаривается. Органы перестраиваются, учатся жить по-новому. Сердце замедляет бег, готовясь биться раз в минуту вместо восьмидесяти. Легкие забывают, как дышать. Глаза готовятся видеть в темноте.

Я не чувствую этого. Я сплю. Мне снятся странные сны.

В одном из них я бегу по бесконечному коридору с зеркальными стенами. В каждом зеркале — я. Но разная. То с длинными волосами, то с короткими, то молодая, то старая, то живая, то мертвая. Я бегу и не могу найти выход.

В другом — я стою на крыше высокого здания, смотрю на город, и вдруг понимаю, что вижу каждый огонек, каждое окно, каждую машину. Москва раскрывается передо мной, как карта. Я чувствую запахи — выхлопные газы, жареные пирожки из ларька, духи проходящей внизу женщины, кровь.

Кровь пахнет особенно. Сладковато, металлически, маняще. Мой рот наполняется слюной, и я просыпаюсь внутри сна от этого голода. Дикого, животного, всепоглощающего.

— Хочу пить, — шепчу я.

И просыпаюсь по-настоящему.

Открываю глаза.

Темно. Но я вижу всё. Каждую трещинку на высоком потолке, каждую нитку в тяжелых шторах, каждую пылинку в

воздухе. Я вижу их траектории, их медленное падение. Это невероятно, невозможно — но я вижу.

Пытаюсь пошевелиться. Тело слушается, но как-то иначе. Движения стали быстрее, плавнее, точнее. Я сажусь на кровати и оглядываюсь.

Незнакомая комната. Дорогая, старомодная — лепнина на потолке, тяжелая мебель, картины в тяжелых рамах. Чужая. Пустая.

На тумбочке стоит бокал. Внутри — красная жидкость. Вино? Я протягиваю руку, беру бокал, подношу к лицу.

Запах ударяет в голову, как наркотик. Кровь. Это кровь.

Мой рот наполняется слюной мгновенно. Руки трясутся. Я хочу выпить это сейчас же, выпить всё, выпить еще, выпить бесконечно. Инстинкт сильнее разума, сильнее воспитания, сильнее всего.

Я делаю глоток.

Тепло разливается по телу, насыщая, успокаивая, даря жизнь. Я чувствую, как силы возвращаются, как проясняется сознание, как уходит ломота.

Я пью жадно, большими глотками, не чувствуя вкуса, не думая о том, что это. Когда бокал пустеет, я облизываю губы и только тогда понимаю: я только что пила кровь. Человеческую кровь.

Меня тошнит.

Я сгибаюсь пополам, но желудок не принимает — он уже не тот, он уже вампирский. Кровь останется во мне, перева-

рится, даст силу.

— Что со мной? — шепчу я в пустоту. — Где я? Кто я?

Ответа нет. Только тишина и запах чужой квартиры, чужой жизни, чужой судьбы.

Я поднимаю глаза и вижу в углу комнаты кресло. В кресле спит мужчина.

Тот самый. Из видений. Бледный, красивый, с темными волосами и тонким шрамом на подбородке. Он спит, откинув голову на спинку кресла, и во сне кажется почти беззащитным.

Я смотрю на него и чувствую странную смесь эмоций. Благодарность? Страх? Ненависть? Желание?

Он спас меня. Но от чего? Для чего? Ценой чего?

Я вспоминаю боль. Ледяной укус. Чужую кровь в своих венах. Мужчину, который вошел в меня самым страшным и самым интимным образом.

— Ты чудовище, — шепчу я. Но в голосе нет уверенности.

Потому что внутри меня бьется его кровь. И где-то глубоко, на самом дне нового, странного, пугающего существа, которым я стала, живет благодарность.

Он не дал мне умереть.

Но имел ли он право?

Я смотрю на спящего мужчину, на бокал из-под крови в своей руке, на свое отражение в темном стекле шкафа. Я вижу себя — бледную, с потемневшими глазами, с изменившимся лицом. Я вижу монстра.

И я понимаю: назад дороги нет.

Что бы ни случилось дальше, я уже не буду прежней. Я умерла в той арке. А то, что открыло глаза в этой чужой спальне — это кто-то другой.

Вопрос только в том, кто именно.

И что теперь делать с этим чужим, который спит в кресле, спас меня и разрушил мою жизнь одним укусом.

Я ставлю бокал на тумбочку, ложусь обратно на подушку и закрываю глаза. Сил нет ни на что. Только ждать. Смотреть. Думать.

За окном занимается рассвет. Я чувствую его приближение — кожей, кровью, каждой клеткой. Солнце теперь мой враг. И это, пожалуй, самое страшное открытие.

Я — ночь. Я — тьма. Я — то, что боится света.

Я — вампир.

И впереди у меня вечность, чтобы понять, как с этим жить.

Глава 6

Я закрыл дверь своей квартиры и прислонился к ней спиной.

В прихожей горел только ночник — мягкий желтый свет, который я включал, когда возвращался домой. Раньше он меня успокаивал. Сейчас я смотрел на него и не чувствовал ничего, кроме оглушительной пустоты внутри.

В спальне лежала она.

Я прошел на кухню автоматически, как делал это сотни раз. Налил себе крови в бокал — вторую положительную, самую нейтральную по вкусу. Поднес к губам и понял, что не могу пить. Горло сжималось, отказываясь принимать.

Я поставил бокал на стол и сел.

В голове было пусто и гулко, как в заброшенном доме. Мысли не формировались, эмоции не приходили. Только где-то глубоко, на самом дне сознания, пульсировало одно слово, как больной зуб: «Нарушил».

Я нарушил главный закон.

Не тот, что написан в вампирских кодексах — их много, и некоторые можно обойти. Главный закон, который старше любых кодексов: не создавай новых без нужды. Не бери на себя ответственность за чужую вечность. Не превращай человека в монстра, не спросив.

Я нарушил. Я взял. Я превратил.

И теперь эта девушка с серыми глазами лежит в моей спальне, перерождается в вампира, а я сижу на кухне и не знаю, что делать дальше.

Я встал и пошел в спальню.

Она не изменила положения — лежала на спине, раскинув руки, темные волосы разметались по подушке. Лицо спокойное, почти безмятежное. Только бледность нечеловеческая — та, что приходит к нам после обращения. Губы посинели. Грудь не вздымается — она не дышит. Зачем? Легкие больше не нужны.

Я сел в кресло в углу — то самое, в котором провел уже много ночей за книгами или просто в размышлениях. Отсюда было видно ее лицо. И я смотрел.

Внутри меня боролись два чувства. Первое — ужас. Леденящий, парализующий, древний. Ужас перед Советом, перед наказанием, перед тем, что я наделал. Если меня найдут — а меня найдут, рано или поздно, — меня уничтожат. Медленно, изощренно, необратимо. Я видел казни вампиров-отступников. Это не то, что хочется испытать на себе.

Второе чувство было странным. Я не сразу его опознал — слишком давно его не испытывал. А когда опознал, чуть не рассмеялся от абсурдности.

Волнение.

Как у мальчишки перед первым свиданием. Как перед экзаменом в университете, когда ты выучил билеты, но все равно боишься. Как в детстве, когда ждешь подарок на день

рождения.

Я волновался. За нее. За то, какой она проснется. За то, что скажет. За то, как посмотрит.

Сто сорок семь лет, Герман. Ты пережил две мировые войны, три революции, смену эпох и цивилизаций. Ты видел, как умирали империи и рождались новые. Ты пил кровь из бокалов и из горл. Ты забыл, что такое волнение.

И вот — пожалуйста. Сидишь в кресле, как подросток, и боишься, понравишься ли ты девочке.

Я усмехнулся своим мыслям и откинул голову на спинку кресла.

— Идиот, — сказал я вслух.

Она не ответила. Конечно.

Я закрыл глаза и позволил памяти накрыть себя.

1908 год. Париж. Доктор Мартель.

Когда я очнулся после обращения, первое, что я увидел — его лицо. Старое, морщинистое, с глазами-буравчиками. Он сидел в таком же кресле и смотрел на меня с любопытством. Как ученый на новый вид насекомого.

— Ты жив, — констатировал он. — Поздравляю. Ты пережил ночь.

Я хотел ответить, но вместо слов из горла вырвался хрип. Я попытался встать — и не смог. Тело не слушалось, руки дрожали, в глазах двоилось.

— Первое время будет сложно, — продолжил Мартель. — Ты заново учишься управлять телом. Все рефлексы теперь

другие. Быстрее, острее, опаснее. Привыкай.

— Зачем? — прохрипел я. — Зачем вы это сделали?

Мартель улыбнулся — тонко, жестоко, снисходительно.

— Потому что мог. Потому что ты пришел ко мне сам. Потому что мне нужны ученики. Выбирай любую причину.

— Я не просил.

— Ты просил спасения от смерти. Я дал тебе вечность. Неблагодарный.

Я замолчал. Что я мог сказать? Он прав — я пришел к нему за лекарством. Я искал чуда. Я получил проклятие.

— Теперь ты мой, — добавил Мартель. — И ты будешь делать то, что я скажу. Таков порядок.

Я ненавидел его. Ненавидел каждой клеткой нового тела, каждой каплей чужой крови в своих венах. Ненависть стала единственным, что я чувствовал первые годы.

Я открыл глаза и посмотрел на девушку.

Она будет ненавидеть меня. Так же, как я ненавидел Марте-ля. Это неизбежно, это естественно, это правильно. Я от-нял у нее жизнь. Я дал ей вечность, которой она не просила. Я не спросил разрешения.

Но я хотя бы буду рядом. Я хотя бы попытаюсь объяснить. Я хотя бы не брошу ее, как Мартель бросил меня — на про-извол судьбы, в чуждом мире, без подготовки, без помощи.

Я дам ей выбор. Когда она придет в себя, когда осозна-ет, что случилось, я дам ей выбор. Уйти. Остаться. Принять свою природу или бороться с ней. Я не буду ее тюремщиком.

Я буду... кем? Учителем? Наставником? Соучастником?

Я не знал. И это незнание тоже было частью того странно-го волнения, которое пульсировало внутри.

Я встал, подошел к кровати и сел на край. Осторожно, стараясь не потревожить, взял ее руку. Холодная. Тонкие пальцы, короткие ногти без маникюра — рабочие руки, не избалованные. На запястье — тонкий шрамик, давний, детский. Упала с велосипеда? Порезалась?

Маленькие детали чужой жизни, которая только что закончилась.

Я поднес ее руку к губам и поцеловал. Жест получился сам собой, неконтролируемый, почти сентиментальный. Таким жестом прощаются с умершими.

— Прости, — шепнул я. — Я правда не хотел. Просто не смог иначе.

Ее ресницы дрогнули.

Я замер.

Нет, показалось. Она по-прежнему была глубоко в переходе. До пробуждения еще минимум несколько часов, а то и сутки. Организм должен перестроиться полностью, и только тогда сознание вернется.

Я положил ее руку обратно на одеяло и вернулся в кресло. Ночь тянулась бесконечно.

Я сидел и смотрел, как меняется ее лицо. Уходила отечность, вызванная травмой. Разглаживались морщинки напряжения — теперь они не появятся никогда. Кожа станови-

лась идеально гладкой, фарфоровой, неживой. Она становилась красивой той особой, холодной красотой, которая отличает нас от людей.

Красивой. И чужой.

Я вспомнил ее глаза в арке. Серые, с крапинками, живые. Они смотрели на меня с удивлением и непониманием. Они не просили о помощи. Они просто смотрели — и угасали.

Я не мог этого вынести.

— Кто ты? — спросил я у спящей. — Как тебя зовут? Где твои родные? Кто будет тебя искать?

Ответов не было. Только тишина и мерное отсутствие дыхания.

Я достал телефон из кармана ее пальто — я забрал все вещи из арки, принес вместе с ней. Экран загорелся, запросил пароль. Семейные фото на заставке — она с женщиной средних лет, похожей на нее, на фоне какого-то озера. Мать? Сестра?

Я отложил телефон. Взламывать не стал — не имел права. Пусть сама решит, когда очнется.

В пакете, кроме телефона, были ключи, косметичка, проездной, паспорт.

Я открыл паспорт.

Вероника Андреевна Миронова. Двадцать семь лет. Москва. Прописка на Профсоюзной. Семейное положение — не замужем. Фотография — та же девушка, что лежит сейчас в моей кровати, только живая, улыбающаяся, с искрой

в глазах.

Вероника.

Красивое имя. Почти античное. Победительница.

Я закрыл паспорт и положил обратно в пакет. Теперь я знал, как к ней обращаться. Если она вообще захочет со мной разговаривать.

Рассвет приближался. Я чувствовал его каждой клеткой — тяжелое, давящее приближение солнца. Даже сквозь плотные шторы оно просачивалось, заставляя кожу слегка пощипывать.

Я встал, проверил шторы — все задернуты, ни одной щелочки. Потом прошел в гостиную, включил телевизор без звука. Мелькали картинки ночных новостей, какие-то ток-шоу, реклама. Я смотрел и не видел.

Мысли вертелись по кругу.

Что я буду делать, когда она очнется? Как объясню? С чего начну?

«Привет. Я вампир. Ты теперь тоже вампир. Прости, что не спросил. Будешь кровь?»

Идиотизм.

Я прошел на кухню, налил себе наконец тот бокал, к которому не притронулся ранее. Выпил залпом — почувствовал, как силы возвращаются, как уходит слабость после обращения. Организм восстанавливался быстро — за пару дней я приду в норму.

А она?

Сколько ей потребуется времени, чтобы привыкнуть? Чтобы перестать ненавидеть? Чтобы принять себя новую?

Месяцы? Годы? Десятилетия?

У меня было время. У меня была вечность. Но выдержит ли она эту вечность рядом со мной?

Я вернулся в спальню и снова сел в кресло.

Вероника не шевелилась. Дышала — редко, раз в несколько минут, почти незаметно. Глаза под веками двигались — быстрая фаза сна, сновидения. Интересно, что ей снится? Тот переход? Моя кровь? Смерть?

Я смотрел на нее и чувствовал, как внутри разрастается странное тепло. Не физическое — душевное. То, которое я считал атрофированным за сто лет одиночества.

Оказывается, оно не атрофировалось. Просто спало. Ждало своего часа.

— Ты даже не представляешь, что ты со мной сделала, — шепнул я. — Одним своим взглядом. Одним «я не хочу».

Вероника не ответила.

Я откинулся в кресле и позволил себе просто быть рядом. Ждать. Надеяться. Бояться.

Скоро она откроет глаза. И тогда начнется самое сложное.

Но пока — пока она спит, и в этом сне она принадлежит только себе. Не мне, не новой природе, не вечности. Просто спит, как любая обычная девушка, уставшая после тяжелого дня.

Я позавидовал этому сну. По-хорошему, по-человечески

позавидовал.

За окном взошло солнце. Шторы надежно защищали нас обоих. Город просыпался, гудел машинами, звонил будильниками, варил кофе. Жил своей обычной жизнью, не подозревая, что в этой старой квартире на Кутузовском случилось чудо. Или катастрофа.

Я закрыл глаза.

Мы еще поговорим, Вероника. Когда ты будешь готова. Когда я буду готов. А пока — просто спи. Я посторожу.

И впервые за много лет я уснул спокойно. Зная, что утро принесет не пустоту, а нечто новое. Страшное, пугающее, непонятное — но новое. А значит, живое.

Глава 7

Сознание возвращается ударом.

Без предупреждения, без плавного всплытия из глубины сна — просто раз — и я уже здесь. Вся сразу. Как будто кто-то включил рубильник, и электричество побежало по проводам.

Первое, что я чувствую — боль.

Но не та, что была в переходе, не огненная и не ледяная. Другая. Боль от мира. От того, как он давит на меня со всех сторон.

Звуки.

Их слишком много. Где-то за стеной гудит холодильник — этот звук заполняет комнату, вибрирует в зубах, отдается в затылке. За окном — город, миллион голосов, двигателей, шагов, сигналов. Я слышу, как на соседней улице тормозит машина, как скрипят тормоза, как хлопает дверца, как женщина ругается с мужчиной. Я слышу дыхание людей в соседних квартирах, биение их сердец, ток крови по венам.

Кровь.

Запах ударяет в ноздри раньше, чем я успеваю подумать. Металлический, сладковатый, теплый. Он плывет откуда-то из-за стены, с кухни, смешивается с другими запахами — кофе, сырости, старой бумаги, мужского парфюма. Но кровь перебивает все. Она манит, дразнит, сводит с ума.

Мой рот наполняется слюной.

Я сажусь на кровати резко, рывком, и едва не падаю обратно — вестибулярный аппарат сбоит, мир наклоняется, плывет, никак не встанет на место. Хватаюсь руками за одеяло, сжимаю пальцы и чувствую каждую ниточку ткани, каждую ворсинку. Слишком отчетливо, слишком ярко.

Кожа горит.

Воздух касается меня, как наждачная бумага. Одеяло колется. Простыня подо мной — ледяная и шершавая. Я смотрю на свои руки — они кажутся чужими, слишком белыми, почти прозрачными. Вены проступают синим, но пульса под ними не видно. Пульса нет.

Сердце не бьется.

Я прижимаю ладонь к груди — тишина. Ни тук-тук, ничего. Только пустота и холод.

Паника накрывает с головой.

— Что со мной? — шепчу я. Голос звучит странно — глубже, тише, с непривычными обертонами.

Я оглядываю комнату. Чужая, большая, с высоким потолком и тяжелыми шторами. Темно, но я вижу каждую деталь — трещинку в лепнине, пылинки в воздухе, фактуру обоев. Я вижу в темноте. Как кошка. Как...

В углу комнаты что-то шевелится.

Кресло. В кресле — человек.

Мужчина.

Он спит, откинув голову на спинку, длинные ноги вытя-

нуты, руки сложены на груди. Темные волосы, бледная кожа, тонкие черты лица. Красивый. Опасно красивый.

Я не знаю его.

Мысль бьет током: чужой дом, чужая комната, чужой мужчина. Последнее, что я помню — арка, нападение, удар. А потом — темнота и боль.

Меня похитили.

Меня изнасиловали.

Меня убили.

Мысли скачут, накладываются друг на друга, множатся. Паника заливает мозг адреналином — но сердце не ускоряется, оно вообще молчит. Тело реагирует странно, заторможенно, будто я смотрю на себя со стороны.

Я вскакиваю с кровати. Ноги подкашиваются — слишком резкое движение, слишком непривычное тело. Я хватаюсь за спинку кровати, чтобы не упасть, и замираю.

Мужчина открыл глаза.

Он смотрит на меня.

Глаза у него светлые, почти прозрачные в полумраке. В них нет сонной мути — только спокойное, выжидающее внимание. Будто он и не спал вовсе. Будто ждал этого момента.

— Тихо, — говорит он. Голос низкий, ровный, без интонаций. — Не бойся.

Не бойся? Не бойся?!

— Кто вы? — кричу я. Вернее, пытаюсь крикнуть. Из горла вырывается шипение, почти звериное. — Где я? Что вы

со мной сделали?

Он медленно поднимается из кресла. Высокий, выше, чем казалось. В темном свитере и брюках, босой. Двигается плавно, без лишних движений — так двигаются хищники.

Я отступаю на шаг и упираюсь спиной в стену.

— Не подходите, — шиплю я. — Я буду кричать.

— Кричи, — пожимает плечами он. — Здесь хорошая звукоизоляция. Никто не услышит.

Ледяной ужас сковывает внутренности. Это то, что говорят похитители своим жертвам. Это сценарий триллера, где девушку находят через неделю в подвале.

Я оглядываю комнату в поисках оружия, выхода, чего угодно. На тумбочке — бокал. Пустой, но тяжелый. Сойдет.

Я хватаю бокал иставляю перед собой, как дубинку.

— Не подходите, — повторяю я. Голос дрожит. — Я разобью вам голову.

Мужчина останавливается. Смотрит на меня с любопытством — без страха, без агрессии, просто изучает. Как ученый новый вид жуков.

— Смелая, — замечает он. — Это хорошо. Пригодится.

— Что пригодится? — не понимаю я. — Для чего?

Он вздыхает и садится обратно в кресло. Движения спокойные, неторопливые, демонстративно неопасные. Садится и смотрит на меня снизу вверх.

— Давай договоримся, — предлагает он. — Ты опустишь бокал, а я отвечу на все твои вопросы. Честно. Полностью.

Без утайки.

— С чего я должна вам верить? — выдыхаю я.

— А с того, что выбора у тебя все равно нет, — он пожимает плечами. — Если бы я хотел тебя убить, ты была бы уже мертва. Если бы хотел изнасиловать — изнасиловал бы, пока ты была без сознания. Я этого не делал. Просто сидел и ждал, пока ты очнешься.

Логика в его словах есть. Но паника не отпускает.

— Где я? — спрашиваю я. Бокал все еще в руке, но я опускаю его чуть ниже.

— В моей квартире. Кутузовский проспект.

— Как я сюда попала?

— Я принес тебя на руках.

— Зачем?

Он смотрит мне прямо в глаза. Взгляд тяжелый, пронзительный, немигающий.

— Потому что ты умирала. И я тебя спас.

Слово «спас» повисает в воздухе. Я перевариваю его, и вдруг воспоминания начинают возвращаться. Обрывками, вспышками.

Арка. Двое. Удар. Нож. Боль. Холодный асфальт под спиной. Кто-то наклоняется надо мной. Лицо — не вижу, только глаза. Светлые, почти прозрачные. Те же глаза, что смотрят на меня сейчас.

Укус.

Я чувствую его снова — ледяное вторжение в шею, чуже-

родное, глубокое. И тепло после. Чужую кровь в своих венах.

Я подношу руку к шее. Кожа гладкая — ни ран, ни шрамов. Но память тела не обманешь. Там было. Там точно было.

— Вы... — я сглатываю, пытаюсь подобрать слова. — Вы пили мою кровь?

Он качает головой:

— Нет. Я вливал в тебя свою.

Тишина. Длинная, тяжелая, гулкая.

Я смотрю на него, и вдруг все кусочки пазла начинают складываться в картину. Страшную, невероятную, невозможную.

Вампиры.

Существа, которые пьют кровь. Которые живут вечно. Которые могут обращать других. Мифы, легенды, страшилки на ночь.

Он — вампир.

Я смотрю на его бледную кожу, на глаза, светящиеся в темноте, на идеальные черты лица. И понимаю: это правда. Все эти истории — правда.

— Вы... вы превратили меня... — шепчу я.

— Да, — кивает он. Просто, буднично, как будто речь о погоде.

Мир рушится.

Нет, не рушится — взрывается. Разлетается на осколки, которые впиваются в мозг, в сердце, в душу.

— Вы не имели права! — кричу я. Голос срывается на визг. — Вы не спрашивали! Вы не могли! Я не хотела! Я не просила!

Бокал летит в него. Целюсь в голову — и попадаю. Он даже не пытается уклониться. Стекло ударяется о лоб, отскакивает, падает на пол. Кровь — его кровь — выступает на коже тонкой полоской. И тут же затягивается, исчезает на глазах.

Он даже не моргнул.

— Я знаю, — говорит он спокойно. — Прости.

— Прости?! — я мечусь по комнате, как зверь в клетке. — Ты сломал мне жизнь, уродина! Ты превратил меня в чудовище! И говоришь «прости»?

— В чудовище, — повторяет он задумчиво. — Интересный выбор слов. Ты предпочла бы быть мертвой?

Я замираю.

Мертвой.

Я вспоминаю нож. Холод в животе. Уходящую жизнь. Я вспоминаю, как хотела жить — так сильно, что это желание, наверное, было слышно за километры.

— Я могла умереть, — говорю я тихо.

— Ты умирала, — поправляет он. — Еще минута — и все. Твои серые глаза погасли бы навсегда. Я видел это. Я чувствовал это. И я не смог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.